

DOI 10.25991/AE.2019.76.42.010
УДК 82–32

М. Н. КАПРУСОВА

Капрусова Марина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета, kaprusova@mail.ru

«БУЛГАКОВСКИЙ МИФ»: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ*

В статье рассматривается структура «булгаковского мифа». Автором работы прослежено, что в тексте Булгакова типологическая мифологическая структура сохраняется: 1) повествование об Иешуа (Свете) и Воланде (Тьме, Тени); 2) повествование о Мастере и Маргарите как созидующих силах (культурных героях) и «свите» Воланда (кроме Геллы) как силе трансформирующей; 3) повествование о встреченных на реке Маргаритой-ведьмой необычных персонажах, о гостях Весеннего бала полнолуния. Кроме того, автор статьи утверждает, что «булгаковский миф» как система сказаний о влиянии автора и текста романа на людей тоже структурен: 1) автор (Булгаков), Воланд; 2) «свита», Понтий Пилат, новые творцы (режиссеры и др.), пытающиеся трансформировать роман Булгакова, культурные герои или трикстеры; 3) духи огня, воды (гроза, пожар и др. — знаки проявления отношения к постановкам и т. п. «верхней ветви»). В ходе проделанного анализа автор статьи доказывает, что «булгаковский миф» — проявление неомифологизма.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, роман «Мастер и Маргарита», неомифологизм, «булгаковский миф», структура мифа.

М. N. Kaprusova

“BULGAKOV’S MYTH”: THE EMERGENCE AND FUNCTIONING

The article considers the structure of “Bulgakov’s myth”. The author of the work traced that in Bulgakov’s text the typological mythological structure is preserved: 1) the narrative about Yeshua (Light) and Voland (Darkness, Shadow); 2) the narrative about the Master and Margarita as creative forces (cultural heroes) and “retinue” of Voland (except Gella) as a transforming force; 3) the narrative about unusual characters met on the river by Margarita-witch, about the guests of the Spring ball of the full moon. In addition, the author argues that “Bulgakov’s myth” as a system of stories about the impact of the author and the text of the novel on people is also structural: 1) the author (Bulgakov), Woland; 2) “entourage”, Pontius Pilate, the new creators (Directors, etc.), trying to transform the novel by Bulgakov, culture heroes or trickster; 3) spirits of fire, water (storm, fire etc. — signs of manifestation relations to the productions, etc. “upper branch”). In the course of this analysis, the author proves that “Bulgakov’s myth” is a manifestation of neo-mythologism.

Keywords: M. A. Bulgakov, novel “The Master and Margarita”, neo-mythologism, “Bulgakov’s myth”, myth structure.

Словосочетание «булгаковский миф» впервые встречается в статье Б. М. Гаспарова «Новый Завет в произведениях М. А. Булгакова» (1983) [12, с. 114, 115]. Однако «булгаковский миф» не являлся объектом изучения исследователя.

Нам представляется продуктивным выделение в «булгаковском мифе» трех компонентов.

Первая (в том числе и по времени возникновения) составляющая «булгаковского мифа» — «миф о творце (художнике)». Она может быть определена как «биографический миф» [24, с. 365–376; 30, с. 32–46]. В этой своей составляющей «булгаковский миф» родствен «пушкинскому» [23, с. 53–58, 63–66]. «Миф о творце (художнике)» часто, и в случае М. Булгакова это так, включает в себя «автобиографический миф» (определение этого феномена дано Д. М. Магомедовой) [25, с. 7; 12, с. 80, 109–110, 111, 113, 114, 115]. Нельзя не заметить, что у разных писателей особо актуализируется какая-то или какие-то части мифа («миф о несчастливом или исключительном

детстве поэта), «миф о созидющей или разрушающей любви», «миф о “распятии”, жертве художника», «миф о безвременной, но запрограммированной смерти», «миф о фатальных числах» и т. д.).

В случае Булгакова на первый план выходят «миф о “распятии”, жертве художника» и «миф о безвременной, но запрограммированной смерти», а также достаточно редкий среди «писательских мифов» — «миф о посмертном существовании».

Согласно «мифу о творце», художник — избранный, он не такой, как все, противостоит среде, массе, обыденности, его жизнь полна знаков и сбывающихся предчувствий.

Этот (первый) компонент «булгаковского мифа» был сформирован в первую очередь самим Булгаковым, а также Е. С. Булгаковой, В. Я. Лакшиным, С. А. Ермолинским [9, с. 572, 573–574; 14, с. 260, 265, 271, 277, 294–297, 318, 321; 19, с. 364–365; 12, с. 80]. То, что автобиографичность образа Мастера особенно подчеркнута в воспоминаниях Ермолинского,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–012–00374 «М.А. Булгаков: pro et contra. История и современное отношение к наследию Михаила Булгакова»

что есть в них и прямое соотнесение умирающего Булгакова с Иешуа, отмечено Б. М. Гаспаровым [12, с. 80].

В своих записях Е. С. Булгакова выделяет знаки судьбы, которые были даны Булгакову: гроза, предчувствие смерти в 1939 г., смертельная болезнь как плата за пьесу о Сталине [14, с. 260, 265, 271, 277, 318, 321, 380].

В. И. Немцев пишет: «Художник острее многих чувствует загадочное и труднообъяснимое в жизни. И, поскольку все эти явления существуют, их пытаются по-своему объяснить, найти опять же рациональное зерно». Говорят, что Пастернак предостерегал молодого поэта против предсказания в стихах своей трагической смерти. Сила слов Поэта такова, что это непременно сбудется. Достаточно вспомнить Маяковского, Цветаеву, Есенина... Художественное произведение обладает некоей магической силой. По свидетельству мемуаристов, «Булгаков постоянно моделировал свою жизнь после смерти. Он обнаруживал вкус к мистике, точнее — пытался постичь пределы воздействия художественного произведения. И как следствие этого — пророчествовал о своем творчестве» [33, с. 58].

Булгаков постиг «пределы воздействия художественного произведения»: умирая, страдая от боли, он, вероятно, невольно почти повторил слова Мастера.

Сравним:

«— Так, стало быть, в арбатский подвал? А кто же будет писать? А мечтания, вдохновение?

— У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет, — ответил мастер, — ничто меня вокруг не интересует, кроме нее <Маргариты. — М. К.>, ...меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал.

— А ваш роман? Пилат?

— Он мне ненавистен, этот роман, — ответил мастер, — я слишком много испытал из-за него» [9, с. 284].

Из записей Е. С. Булгаковой от 1 октября 1939 г.:

«Разбудил в семь часов — невозможная головная боль. Не верит ни во что. О револьвере. Слова: отказываюсь от романа, отказываюсь от всего, отказываюсь от зрения, только чтобы не болела так голова» [31, с. 549].

Загадочны и последние слова Булгакова: 6 марта, ночью, Булгаков, находясь в полузабытьи, но лежа с открытыми глазами, два раза спросил: «Кто меня возьмет?» Елена Сергеевна переспросила: «Кто тебя возьмет?» Но ей больной не ответил. Днем седьмого марта он сказал жене: «Меня возьмут. Тебя возьмут? Меня возьмут?» Седьмого ночью: «Возьмут, возьмут...» Что это — бред или жизнь и роман каким-то образом соединились в сознании умирающего? Последнее слово Булгакова: «Свет!» Родные зажгли лампу, думая, что в комнате темно [31, с. 556]. Но в контексте романа у этой реплики есть и другое

значение (может быть, Булгакову стало ясно, куда его «возьмут»).

Однако ядро «булгаковского мифа» непосредственно соприкасается с текстом романа «Мастер и Маргарита».

Первым об особой природе булгаковского романа написал В. Я. Лакшин: «Среди отмеченных литературоведами законов творчества есть один, природа которого до сих пор остается до конца непознанной: воздействие сочинения на самого творца и на то, что его окружает. Бывает, что произведение создает вокруг себя чудодейственную ауру, волшебную зону рассеяния, в которой возможны самые неожиданные превращения. То, что Михаил Афанасьевич Булгаков спознал с нечистой силой да еще не оскорбил, а усмирил ее, одомашнил и взял в попутчики, как глумливого Коровьева, наголоватого Аззелло или бесцеремонного Кота, перестроило вокруг него весь быт и уклад, людей и обстановку» [20, с. 26–27, 27–34, 39–41].

Заметим, что о Е. С. Булгаковой как явлении «отчасти оккультного толка» Лакшин пишет с улыбкой, играет с читателем в мистику. Но есть в повествовании Лакшина места, написанные иначе, с подлинной верой в «булгаковский миф» — это рассказ о том, как был обретен камень на могилу Булгакова, и повествование о роли грозы в судьбе Булгаковых. Лакшин пишет: «В тот день, когда я видел ее <Е. С. Булгакову. — М. К.> в последний раз, она была взбудоражена, тревожно-весела. Мы ехали на киностудию смотреть рабочий материал ленты “Бег”. На Киевском мосту нас застала гроза. Крупный дождь забарабанил по крыше, как град. Над Москвою-рекой вспыхнула молния и прокатился гром. Елена Сергеевна переменилась в лице: “Дурной знак”. Забывшись в угол на заднем сиденье “Волги”, она твердила одно: когда у Булгакова что-то снимали, запрещали, надвигалась нежданная беда, всегда случалась гроза...». Казалось, примета обманула: картина Елене Сергеевне понравилась, она была полна планов и надежд. Но нет, гроза действительно оказалась дурным знаком: «А гроза над Киевским мостом гремела не зря. Через день Елена Сергеевна умерла — внезапно и незаметно, будто отлетела» [20, с. 41].

Вторая часть «булгаковского мифа» — это читательское отношение (реализованное в устных или письменных высказываниях и поведении) к описанному в романе «Мастер и Маргарита» как к чему-то действительно случившемуся и могущему повториться с каждым. «Миф есть в словах данная чудесная личностная история», — писал А. Ф. Лосев [22, с. 169]. То же можно сказать и о булгаковском тексте. Составляющие «булгаковского мифа»: вера в некую силу (Волаанда) — воплощение Справедливости, существующую в мире (ключевая фраза: «Каждому будет дано по его вере» [9, с. 265]); вера в возможность общения с Волаандом преданных читателей; вера в повторение истории, рассказанной Булгаковым, и новое явление Волаанда; вера в веч-

ную, верную любовь Мастера и Маргариты, для которой не существует преград (ключевые фразы: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих. Так поражает молния, так поражает финский нож!» [9, с. 137]; они «пришли к заключению, что столкнула их на углу Тверской и переулка сама судьба и что созданы они друг для друга на век» [9, с. 139]; «За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык!» [9, с. 209]); вера в счастливое «вдруг»: встреча Мастера и Маргариты произошла именно тогда, когда это было необходимо («...она говорила, что с желтыми цветами в руках она вышла в тот день, чтобы я наконец ее нашел, и что, если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ее пуста» [9, с. 138]); вера в то, что любовь преданного человека может охранить второго, что такая любовь всеильна («беречь твой сон буду я» [9, с. 372]); вера в то, что «рукописи не горят» [9, с. 278]; что «все будет правильно, на этом построен мир» [9, с. 370]; вера в то, что существует «такая ночь, когда сводятся счеты» и свой счет можно «оплатить» и «закрыть» [9, с. 368]; вера в то, что, кроме Справедливости, есть в мире и Милосердие (и оно может быть проявлено даже к великому грешнику — например, случай Фриды); вера в то, что когда-нибудь будет прощен любой грех и в другом измерении можно вновь встретить того, кого любил в земном мире и перед кем был виноват — например, случай Понтия Пилата; в то, что человеку даются судьбоносные знаки, их важно не пропустить (например, случай Берлиоза); вера в то, что можно стать достойным, если не света, то покоя. Читатели часто ставят себя на место Маргариты или Понтия Пилата. Во всяком случае, со времени публикации романа тысячи девушек весной выходили на прогулку с букетом желтых цветов в надежде встретить любовь¹.

Третья составляющая «булгаковского мифа» может быть отнесена к «мифу о творении» («мифу о произведении искусства»). Суть этой части «булгаковского мифа» — проявление посмертных поощрения или недовольства создателя текста, проявление отношения к происходящему героев романа. Эта часть «булгаковского мифа» связана с бытованием («жизнью») книги Булгакова в современном социуме и производимыми ею или из-за нее «чудесами».

Итак, «булгаковский миф» — это бытующая в устной и письменной форме (в основном, в публицистике) система сказаний о влиянии автора и текста романа на людей, пытающихся трансформировать, точно (приближение к сакральному знанию) или неточно (своеобразное «поругание») интерпретировать его; сказаний о появлениях в нашем мире булгаковских героев (свиты Воланда) и их «шутках»; сказаний о «знаках», которые подает автор романа «посвященным» или посягнувшим на эту роль исследователям, преданным читателям романа, акте-

рам, в т. ч. участвующим в постановках, создателям кича, музейщикам и т. д. — знаками являются гроза, пожар, прорыв труб (потоки воды), погасший свет, поломка аппаратуры во время спектакля и др.; сказания о «плате» за слишком близкое приближение к роману (сакральному знанию) — «плате» болезнью, смертью, изменением судьбы (повторением судьбы героя); сказания о культовых местах и «чудесах» там произошедших (Патриаршие пруды, квартира Булгакова и др.).

Персонажами «булгаковского мифа» стали не только герои книги «Мастер и Маргарита», не только сам Булгаков, его жена Елена Сергеевна, их дом, московский пейзаж, описанный в романе, но и булгаковеды, актеры, читатели.

На «булгаковский миф» оказали влияние космогонические мифы (мифы о происхождении смерти, о загробном мире, о судьбе), а также примыкающие к ним эсхатологические мифы [40, с. 12]. Вспомним определение Е. М. Мелетинского: «Мифология есть совокупность <...> сказаний о богах и героях и, в то же время, система фантастических представлений о мире» [29, с. 653].

Как известно, мифологические представления системны и иерархичны и имеют следующую структуру: 1) сказания о великих богах; 2) сказания о культурных героях; 3) сказания о духах природы (низшая ветвь).

В мифологическом тексте Булгакова эта структура сохраняется: 1) повествование об Иешуа (Свете) и Воланде (Тьме, Тени); 2) повествование о Мастере и Маргарите как созидающих силах (культурных героях) и «свите» Воланда (кроме Геллы) как силе трансформирующей; 3) повествование о встречах на реке Маргаритой-ведьмой необычных персонажах, о гостях Весеннего бала полнолуния.

«Булгаковский миф» как система сказаний о влиянии автора и текста романа на людей тоже структурен: 1) автор (Булгаков), Воланд; 2) «свита», Понтий Пилат, новые творцы (режиссеры и др.), пытающиеся трансформировать роман Булгакова, культурные герои или трикстеры; 3) духи огня, воды (гроза, пожар и др. — знаки проявления отношения к постановкам и т. п. «верхней ветви»).

«Булгаковский миф» — проявление неомифологии. Он построен на переосмыслении «теургического мифа символистов» [18, с. 137–170; 43, с. 58–67], «мифа о несчастливом произведении искусства» [37, с. 291–298], «мифа о плате за получение сакрального знания», «московского мифа» по аналогии с «петербургским мифом» [32; 41, с. 259–367]. При этом в данном случае происходит сближение понятий «биографический миф» и «миф о несчастливом произведении искусства».

Произведение Булгакова создало вокруг себя мифологическое пространство и мифологическую ауру. Ею в 1960–90-е были окутаны булгаковские подъезд, лестница, квартира [13, с. 24–25; 39, с. 36–37], Патриаршие пруды и скамейки, постановки романа в театре и попытки снять по нему кино.

Однако, по мнению части интеллигенции, мистика, связанная с булгаковским текстом, не допускает вольного с собой обращения.

Легенды, связанные с попытками как-то вернуть в художественное пространство романа, бытуют в творческой среде и порой становятся достоянием широкой публики благодаря газетным или телевизионным интервью. Например, статья Д. Корсакова «Джонни Депп сыграет Воланда», опубликованная в «Комсомольской правде» 18 июня 2003 г., начинается так: «У “Мастера и Маргариты” в киношных кругах очень дурная слава. По книге собирався снимать фильм Роман Полански, да все сорвалось. По ней снял картину Юрий Кара, но лента уже в течение долгих лет лежит на полке...» [17, с. 4]. Следующий пример: «...первым экранизировать знаменитый роман взялся польский режиссер Анджей Вайда, но его фильм (1971 г.) так и не вышел. Экранизация югослава Александра Петровича (1972 г.) увидела свет только 20 лет спустя после завершения съемок...» [15, с. 17]. Отрывок из другой статьи: «не секрет, что после съемок в “Мастере и Маргарите” у Кары многие актеры ушли из жизни» [11, с. 35].

31 декабря 1993 г. под рубрикой «Без пяти двенадцать...» в газете «Комсомольская правда» была помещена статья «Новогодняя шутка Булгакова». Позволим себе привести ее целиком, поскольку статья отражает социокультурную ситуацию и состояние «булгаковского мифа» начала 1990-х, что сейчас уже история и объект, достойный социологического и культурологического анализа.

Цитируем: «Театралы утверждают, что с Михаилом Булгаковым связываться опасно. Стоит только взяться за постановку “Мастера и Маргариты”, как сразу начинается всякая чертовщина.

В Приморском театре драмы имени М. Горького, поставившем недавно “Мастера и Маргариту” под многообещающим названием “Бал Сатаны”, должна была начаться запись телевикторины по произведениям Булгакова. Ее участники уже собрались, а телевизионщики включили аппаратуру, когда вдруг, без всякой видимой причины ярко вспыхнули холщовые занавеси, а затем веселый огонь перекинулся на бархатную черную портьеру с алой розой. Через минуту яркое пламя уже взметнулось прямо под крышу.

Вызванные в театр пожарные в рекордные сроки погасили огонь, и большого ущерба удалось избежать. Но причины странного возгорания так и не установлены. И по городу поползли слухи, что это — проделки самого Михаила Афанасьевича.

По крайней мере его поклонники утверждают, что основания для мести у писателя имеются: его многострадальный роман в театре дописали на свой вкус, положили на забористую музыку и превратили в кабацкий шлягер. А в том самом фойе устроили ночной ресторан, где полураздетые артистки частенько плясали “сцены” из “Мастера и Маргариты” для пьяных бизнесменов. Так что, по мнению

знатоков творчества Булгакова, занавес вспыхнул не случайно: недаром же в романе о Воланде все пожары в подобных заведениях начинаются именно с занавесей и штор» [6].

Рассказанная история конкретизирует «булгаковский миф», одновременно придавая ему канонический характер — ведь в центре находится мотив «творец (мифологический персонаж) мстит за свое произведение, поругание дара или недостойное соперничество».

В «булгаковском мифе» присутствует и такой распространенный мотив: наказание смертного, приблизившегося к сакральному знанию, плата смертью за дерзость и нежелание прочитывать знаки судьбы. Аналог: Орфей, получивший сакральное знание, когда спустился в Аид за Эвридикой. Он не выполнил условие: обернулся, в результате потерял Эвридику.

В этом смысле с «булгаковским мифом» и его зловещим оттенком связана для зрителей судьба актера В. Авилова. 30 января 2004 г. журналистка Т. Подьяблонская анонсировала спектакль Московского «Театра на Юго-Западе» «Мастер и Маргарита» в Воронеже статьей «Авилов и Сотникова устроят нам бал Сатаны». Была в статье и такая информация: «Вот уже 10 лет Виктор Авиллов играет роль Воланда в спектакле “Мастер и Маргарита” в “Театре на Юго-Западе”. Причем самому Авиллову эта роковая роль дважды чуть не стоила жизни. Первый раз — в 1995 году на гастролях в Германии, когда его увезли в больницу с сильным кровотечением прямо перед спектаклем. Вторично — уже в стенах родного театра: в 1999 году актер подхватил тяжелейшее воспаление легких» [36]. Дополним: мистически настроенный читатель может усилить информацию, т. к. во второй раз несчастье с актером произошло в 1999 г. 6 февраля 2004 г. тот же журналист «Комсомолки» пишет продолжение — статью «“Мастера и Маргариту” преследует нечистая сила» (имелись в виду обвальные технические накладки во время представления — магнитофон сломался, телевизор не включился). Но важнее отрывок из интервью с Авилловым и Сотниковой:

«Для многих роли, постановки, фильмы, каким-либо образом связанные с Сатаной, заканчиваются трагически (сыгравшие в одном из мистических спектаклей Елена Майорова погибла, Вячеслав Невинный сломал ногу, да и сам Виктор Авиллов дважды пережил клиническую смерть. — Прим. газ. ред.). А фильм Юрия Кара “Мастер и Маргарита” мы даже и не увидели. Вам не было страшно играть в этом спектакле?

Авиллов: Нет, я думаю, уже заплатил за все. Больше двух раз уже не умру» [35, с. 31].

Однако в июле 2004 г. в газете «Аргументы и факты» появилась статья «Актер снова в беде. Граф Монте-Кристо нуждается в помощи». Цитируем: «Одно время актер не играл ни в кино, ни в театре. Почти год он провел в больницах, лечился от тяжелой болезни. Едва оправившись, вернулся

на сцену родного театра и снова стал играть ведущие роли: Мольер, Воланд, много снимался в кино. Его рабочий график до сентября был расписан поминутно. Но судьба распорядилась иначе... Виктор снова оказался на больничной койке...» [1] Сбор средств на лекарства и лечение не помог. 22 августа 2004 г. актер умер и стал составной частью мифа о «несчастливых для постановки литературных произведениях».

Персонажами «булгаковского мифа» в театральной среде считают и Леонида Филатова и Нину Шацкую — Мастера и Маргариту Театра на Таганке. Долгое время считалось, что это единственная постановка, которую одобрил Булгаков (или Воланд) — никакой чертовщины ни на репетициях, ни на спектаклях не наблюдалось. А потом Л. Филатов, один из исполнителей роли Мастера, тяжело заболел (отказали почки, как и у самого автора романа), он спасался от отчаяния литературным творчеством, работал до конца, а «берегла его сон» (покой) жена Н. Шацкая, в этом повторив судьбу Маргариты и Е. С. Булгаковой. Шацкая полностью ушла из профессии, посвятив себя мужу, спасая его любовью. Невольно задаемся вопросом: не сочинили (не сыграли) ли они свою судьбу сами, заранее.

«Булгаковский миф» во всех названных выше вариантах живет и сейчас, но уже в гораздо более узком культурном пространстве. Официальное признание писателя и его творения (создание музеев, например) в какой-то мере убило тайну. Сегодня все чаще наблюдается и г р а в «булгаковский миф». Или демонстративный отказ от него.

С наслаждением играют «булгаковский миф» напоказ натуры экзальтированные, известные нестандартным поведением. Журналисты С. Васильева и Н. Лисицына описывают последние дни перед премьерой «Мастера и Маргариты» в Нижнем Новгороде (режиссер-постановщик Р. Виктюк): «Репетиция шла полным ходом. <...> Мистика, как и положено, витает в воздухе. <...> Для начала режиссер два часа просидел в гостиничном лифте, который раньше работал как часы. Потом, во время репетиции на сцену ТЮЗа вдруг хлынули потоки воды — почему-то сработала система пожаротушения, хотя пожара не было. Воду долго не могли перекрыть. Народный артист России, актер Театра драмы Георгий Демуров, исполняющий роль Воланда и имеющий, по собственному определению, луженую глотку, впервые в жизни потерял голос и в придачу текст роли. <...> От греха подальше Роман Григорьевич даже стал носить перстень от Версаче — якобы с защитными свойствами, спасающими от сил тьмы» [10, с. 8].

Другой пример. Журналист Т. Максимова в статье «Бывший Казанова стал Воландом» пишет: «Что до чертовщины, неизменно сопутствующей всем постановкам “Мастера и Маргариты”, то перед началом репетиций в “Балтийском доме” с фронтона театра обвалилась одна из пяти лепных звезд. Лы-

ков-Воланд в момент падения звезды не присутствовал, а потому никаких желаний загадать не успел. А уже на премьере, когда спектакль катился к финалу, вдруг в левой кулисе громко, на весь зал, замыкал кот. Уж не Бегемот ли? Нет, обыкновенный серый полосатик, старожил театра, прокрался на сцену и уселся под столом, высунув морду. То ли его возмутило затянувшееся действие <...>, то ли действительно булгаковский Бегемот послал участникам спектакля привет...» [26, с. 15].

Десакрализация «булгаковского мифа» проявилась и в создании комикса по роману, за что, правда, художник был наказан в первый же день работы: у него сгорел телевизор [34, с. 17]; и в появлении клипа группы «Белый орел» на песню «Без тебя», проиллюстрированную в меру понимания сценами из булгаковского романа [3]; и в том, что имена героев используются в потребительской сфере (так существуют, например, кафе «У Маргариты» или «Мастер и Маргарита» [28, с. 45]). Цитаты же из романа теперь уже не своеобразные «пароли» для своих, а «крылатые выражения», пронизанные оксюморонностью и постмодернистской иронией. Например, модно стало неточно цитировать Булгакова в статьях на сексуальные темы: таков подзаголовок статьи «Измена! Или третий в любви — запасной...» — «Никогда и ни в чем не сознавайтесь» [5, с. 12] (аллюзия на «Никогда не разговаривайте с неизвестными», «Никогда ни о чем не просите...» или «Покайся, Иваныч! Тебе скидка выйдет!»). В качестве примера — отрывок из статьи Д. Асламовой «О чем не надо говорить в постели?»: «Как говорит одна моя подруга, решительная красавица блондинка: “Что-то, воля ваша, недоброе таится в мужчинах, без умолку говорящих о своих карьерных успехах <...>” [4, с. 16] (аллюзия на реплику Воланда, брошенную свите по поводу поведения буфетчика Варьете).

После экранизации «Мастера и Маргариты» образы романа активно используются даже в рецензиях на книги. Так, рецензия В. Березина и А. Мирошкина на книгу Р. Медведева «Андропов» (серия «Жизнь замечательных людей», 2006 г.) называется «Почти Воланд» и начинается так: «Среди послевоенных, то есть послесталинских, руководителей СССР Андропов — один из наиболее мифологизированных. Он неоднозначен — даже в анекдотах. В анекдотах, кстати, он похож на Воланда — часть той силы, что... etc.» [7, с. 6].

Показательна книга Д. Карапетяна «Владимир Высоцкий: Между словом и славой. Воспоминания». В 1973 г. в доме автора жил «всеобщий любимец — сямский кот Азazelло» [16, с. 139], а в самом конце 1990-х (книга вышла в 2002 г.) автор продолжает видеть происходящее в контексте булгаковского романа. С улыбкой Карапетян характеризует одного из персонажей: «Да, природа явно обделила Марата интуицией. На фоне булгаковского Арчибальда Арчибальдовича он выглядел распутившим хвост напыщенным павлином...»

Рассуждения о булгаковском романе можно встретить и в художественных произведениях. Приведем цитату из романа А. Марининой «Городской тариф»:

«Секретарь директора, молоденькая хорошенькая Алена, приветливо улыбнулась ему: — Здравствуйте, Евгений Леонардович, вас Шепель искал, просил связаться с ним, когда придете. — Как? — наигранно удивился Ионов. — Так-таки с ним самим?»

На лице Алены не мелькнуло даже тени понимания, и реплика она не подхватила. Было видно, что цитату она не вспомнила, а может быть, и не читала бессмертный роман вовсе. <...> Н-да, другие времена, другие... Тридцать лет назад вряд ли нашелся бы в среде научных работников человек, незнакомый с «Мастером и Маргаритой» Булгакова, книгу читали и перечитывали, передавая друг другу журнал «Москва», где он был опубликован официально, или неофициальные сброшюрованные ксерокопии зарубежных изданий» [27, с. 181].

Время от времени Маринина позволяет себе своеобразную игру с читателем («посвященным»): приводит приблизительную цитату из булгаковского романа, но не называет его: «Ну вот и славно. Как было сказано в одном бессмертном произведении? Нет бумажки — нет человека...»

Демонстративный отказ от игры в «булгаковский миф» вначале являла собой позиция режиссера В. Бортко, которому удалось-таки не только снять фильм по роману, но и довести его до показа по ЦТ в декабре 2005 г. Приведем отрывок из его интервью:

«Вокруг этого замечательного литературного произведения, написанного наделенным недюженной фантазией человеком, накопилось, извините, столько чуши!

Мистическая книжка, прикасаться к ней страшно... Что такое? Абсолютная чушь и ерунда. Я бы сказал, мракобесие. Мы живем на пороге третьего тысячелетия...» [8, с. 9].

Но это интервью 2000-го, фильм вышел на экраны лишь в декабре 2005-го.

«Еще в 2000 году Бортко уехал на переговоры с Владимиром Гусинским по поводу денег на картину о Мастере, — рассказал «Антенне» композитор Игорь Корнелюк, написавший музыку к сериалу. — А на следующий день Гусинского посадили. Я звоню Володе и говорю: “Вот, человек только тебе дал деньги, его тут же посадили. Опомнись, не снимай этот фильм!” <...> Дальше странных событий происходило еще больше. Некоторые актеры отказались от ролей в сериале из суеверных соображений <О. Янковский, С. Шакуров, Е. Миронов, А. Домога-ров. — М. К.>, у других возникали для отказа вполне серьезные причины. Например, Александр Калягин должен был играть Берлиоза. Но незадолго до съемок он пережил два инфаркта и решил не испытывать судьбу» [15, с. 17].

Видимо, 5 лет, предшествовавшие съемке, научили Бортко терпимости. И вот «когда съемки уже начались, Бортко пошел на уступки мистически настроенным коллегам и пригласил на съемочную площадку священника, который освятил и группу, и аппаратуру». Но все же сыгравший Волада О. Базилашвили буквально перед озвучанием «получил кровоизлияние на правой голосовой связке и довольно долго не мог разговаривать, что сильно затянуло производство картины».

Съемочная группа старалась не поддаваться силе «булгаковского мифа». Приведем диалог журналиста с художником-постановщиком фильма В. Светозаровым:

«— Булгаковскому роману приписывают мистические свойства... <...>

— А мы с ней столкнулись! Только это была мистика со знаком плюс. ...Если для съемок был нужен ясный день, то светило солнце, если требовался дождь, он обязательно шел...» [38, с. 27].

Интересный период своего бытования «булгаковский миф» переживает сейчас. Складывается впечатление, что теперь роман окончательно переходит в разряд масскультуры, отсюда как результат — окончательная десакрализация мифа.

Появляются анекдоты: «Рукописи не горят! — утверждал сценарист и режиссер Бортко на съемочной площадке “Мастера и Маргариты”. — Еще как горят! Вот, помнится, за завтраком у Гоголя я говорил ему... — начал свой рассказ Базилашвили...» [2, с. 16]

Между тем М. О. Чудакова на вопрос журналиста: «Популярен ли сейчас роман Булгакова?» — ответила: «Память о “чуде” появления романа в советской печати второй половины 60-х, в которой он — с беседой о Бытии Божьем на первых же страницах! — никоим образом не должен был появиться, лежит в восприятии даже младших поколений — историческая память!..» [42, с. 3] Жизнь «булгаковского мифа» — это во многом и есть историческая память, актуализированная в современности.

Примечания

1. При написании статьи мы пользовались результатами проводимых нами в 2004 г. анкетирования студентов-филологов Борисоглебского ГПИ, преподавателей-филологов института, учителей словесности г. Поворино и района.

Литература

1. Актер снова в беде // Аргументы и факты. 2004. Июль. № 30.
2. Анекдоты в тему // Комсомольская правда. 2005. 24 декабря.
3. Анна Минус. Руки прочь от «Мастера и Маргариты» // Комсомольская правда. 2000. 20 июня.

4. Асламова Д. О чем не надо говорить в постели? // Комсомольская правда. 2004. 8 октября.
5. Бакушинская О., Колядина Е. Измена! Или третий в любви — запасной... // Комсомольская правда. 2004. 2 октября.
6. Барабаш Н. Новогодняя шутка Булгакова // Комсомольская правда. 1993. 31 декабря.
7. Березин В., Мирошкин А. Почти Воланд // Книжное обозрение. 2006. № 39 (2101).
8. Бортко В. Главное, чтобы бал у Воланда не был похож на баню! // Комсомольская правда. 2000. 23 декабря.
9. Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1992. 733 с.
10. Васильева С., Лисицына Н. Романа Виктюка спасает от бесовщины перстень от Версаче // Комсомольская правда. 2000. 23 декабря.
11. Велигжанина А. Мистика «Дневного дозора» // Комсомольская правда. 2006. 5–12 января.
12. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX в. М.: Наука, 1993. 303 с.
13. Грязнов А., Малиновский С., Новикова Е. и др. Призраки среди нас // Комсомольская правда. 2003. 28 февраля.
14. Дневник Елены Булгаковой / сост. В. Лосев, Л. Яновская. М.: Книжная палата, 1990. 400 с.
15. Исмаилова А. Как «Мастер» в судьбах отзовется? // Антенна. 2005. 19–25 декабря.
16. Карапетян Д. Владимир Высоцкий: Между словом и славой. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. 277 с.
17. Корсаков Д. Джонни Депп сыграет Воланда // Комсомольская правда. 2003. 18 июня.
18. Лавров А. В. Мифотворчество «аргонатов» // Миф — фольклор — литература / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1978. С. 137–170.
19. Лакшин В. Я. Елена Сергеевна // Лакшин В. Я. Вторая встреча. М., 1984. С. 364–365.
20. Лакшин В. Я. Булгакиада. М.: Московский рабочий, 1989. 448 с.
21. Лина Плюс. Пусть попса хоть книжки читает! // Комсомольская правда. 2000. 20 июня.
22. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. 525 с.
23. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л.: Просвещение, 1983. 274 с.
24. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в трех томах. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 365–376.
25. Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока: Диссертация в виде научного доклада на соискание уч. степени доктора филол. наук. М., 1998. 50 с.
26. Максимова Т. Бывший Казанова стал Воландом // Комсомольская правда. 2002. 30 июля.
27. Маринина А. Городской тариф: Роман. М.: Эксмо, 2006. 267 с.
28. Масскультура: наша, домашняя, современная / беседа критика Е. Сергеева и социолога С. Шведова // Вопросы литературы. 1990. № 6. С. 36–56.
29. Мелетинский Е. М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1991. 653 с.
30. Местергази Е. «Литературная личность», «писатель с биографией» и проблема жителстворчества // Начало: сб. статей / отв. ред. Т. А. Касаткина. М., 1995. Вып. 3. С. 32–46.
31. Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты / сост. В. Лосев. М.: Вагриус, 2001. 549 с.
32. Москва и «московский текст» русской культуры: сб. / отв. ред. Г. С. Кнабе. М.: РГГУ, 1998. 224 с.
33. Немцев В. И. Вопросы изучения художественного наследия М. А. Булгакова. Самара: СамГПУ, 1999. 142 с.
34. Павленко Л. «Мастер и Маргарита» сожгли телевизор // Комсомольская правда. 2003. 21 октября.
35. Подъяблонская Т. «Мастера и Маргариту» преследует нечистая сила // Комсомольская правда. 2004. 6 февраля.
36. Подъяблонская Т. Авилов и Сотникова устроят нам бал Сатаны // Комсомольская правда. 2004. 30 января.
37. Ронен О. Символика Михаила Кузмина в связи с его концепцией книги жизни // Культура русского модернизма / под ред. Р. Вроона, Д. Мальмстада. М.: Наука, 1993. С. 291–298.
38. Светозаров В. Голову Берлиозу мы отрезали с большим тактом // Комсомольская правда. 2005. 13–20 октября.
39. Танькова Я. Как я жила в «нехорошей» квартире // Комсомольская правда. 2006. 5–12 января.
40. Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология // Мифы народов мира. Т. 1. С. 10–14.
41. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Избранное. М.: Прогресс, 1995. 621 с.
42. Чудакова М. О. «Бодрости от Воланда требовать не обязательно» // Книжное обозрение. 2006. № 3 (2065). С. 3–7.
43. Юрьева З. О. Андрей Белый: преобразование жизни и теургия // Русская литература. 1992. № 1. С. 58–67.